

КРИТИКА БУРЖУАЗНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

М. М. ГУХМАН

Э. СЕПИР И «ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

*(Об одной из реакционных концепций в современном
американском языкознании)*

1

Э. Сепир наряду с Л. Блумфилдом является наиболее известным языковедом Америки последних десятилетий. Два хронологически близких труда по общему языкознанию — «Язык» Э. Сепира (1921) и «Язык» Л. Блумфилда (1933) представляют собой как бы две линии языкознания Америки, хотя при более внимательном анализе здесь вскрывается общая основа: лингвистический механицизм Блумфилда, как и лингвистический концептуализм Сепира оказываются лишь разными формами идеологии современного субъективного идеализма. Не случайно Л. Блумфилд называл Э. Сепира своим учителем, и хотя в известном споре «менталистов» и «механицистов» Э. Сепир и Л. Блумфилд как бы возглавляли две враждующие школы, борьба эта протекала в пределах одного и того же реакционного идеалистического лагеря.

Работа Сепира «Язык», наиболее популярная из его трудов, далеко не во всем показательна для позднейшей эволюции взглядов американского лингвиста. В этой книге Сепир еще утверждал, что «поскольку нет никаких данных предполагать существование заметных расовых различий в устройстве человеческого мышления, постольку бесконечное разнообразие языковой формы, иная сторона бесконечного разнообразия осуществляющего процесса мысли, не может быть показателем этих расовых различий»¹. Но уже в конце 20-х годов он все более сближается с представителями расистской этнопсихологии, а такие его ученики, как Б. Уорф, используют структурные особенности некоторых языков Америки для откровенной расистской пропаганды.

Небезинтересно отметить, что конкретно лингвистическая часть системы Сепира и его метод структурального анализа, раскрывающийся специально в главах III, IV, V и отчасти VI работы «Язык», в значительно меньшей степени оказали влияние на американскую лингвистику, чем метод анализа Блумфилда. Показательно в этом отношении, что авторы популярной брошюры «Очерк лингвистического анализа» Б. Блок и Г. Треджер, несмотря на то, что они называют Сепира «одним из самых крупных лингвистов» (One of the greatest of all linguists)², свои образцы лингви-

¹ Э. Сепир, Язык [рус. перевод], М.— Л., Соцэкгиз, 1934, стр. 171.

² B. Bloch and G. L. Trager, Outline of linguistic analysis, Baltimore, 1942, стр. 82.

стического анализа строят все же согласно принципам Блумфилда, а не Сепира. Конечно, американская фонология весьма многим обязана последнему, но все же, в основном, современная американская дескриптивная лингвистика развивалась под влиянием Блумфилда, а не Сепира³. Сепировское же «наследство» нашло свою реализацию в направлении, условно называемом нами «этнографической лингвистикой» (этнолингвистикой), где использование получили его наиболее реакционные идеи, высказанные им в монографии «Язык» и особенно в позднейших работах. Эти идеи Сепира нашли поддержку во взглядах пресловутых «творцов» бейсик-инглиш Огдена и Ричардса, в лингвистических построениях расиста-этнографа Б. Маллиновского. Не случайно именно данная часть «наследства» Сепира поднимается на щит в империалистической Америке.

Этнографическая лингвистика, являясь одним из господствующих направлений в языкознании современной Америки, представляет собой своеобразный, истинно американский вариант неогумбольдтианства XX в. «Научной» базой этнолингвистики, определяющей ее содержание и метод лингвистического анализа, служит сепировская «теория моделей» (pattern), пропагандируемая не только в исследованиях языковедов этого направления, но и в работах американских этнографов. Этнолингвистика сложилась в связи с изучением многочисленных языков индейцев и оформилась в последние десятилетия в непосредственном единении с расистской этнографией и антропологией. Работы Сепира по вопросам этнографии, его увлечение реакционными концепциями этнопсихологии, наконец, перенесение «теории моделей» в область этнографических исследований, где она получила уже чисто расистское использование (см. ниже), — все это способствовало связи данного лингвистического направления с современной американской этнографией и наложило специфический отпечаток на последние исследования Э. Сепира и на работы его учеников.

*

В настоящей статье мы останавливаемся по преимуществу на критике той части концепции Сепира, которая оказалась наиболее «продуктивной» в современном американском языкознании и стала основой расистской концепции языка. Так, мы совершенно оставляем в стороне его принципы структурального анализа, но уделяем особое внимание той «теории моделей», которая имела широчайшие параллели в расистской этнопсихологии, в «теории» культурных кругов и т. д. и которая, как отмечалось выше, являлась «паучьей» базой этнолингвистики. Вместе с тем мы делаем попытку показать связь реакционных взглядов Сепира 30-х годов с идеями, высказанными им в его книге «Язык» еще в 1921 г. Это особенно важно потому, что в современной американской печати можно встретить весьма неожиданные сопоставления отдельных положений данной книги Сепира с основополагающими идеями марксистского языкознания. Как известно, одним из основных тезисов этой ранней работы Сепира является положение (выдвинутое уже Ф. де Соссюром) о предельной автономности языка, об отсутствии связей между историей языка и историей народа. «Не могу я признать, — пишет Сепир, — и настоящей причинной зависимости между культурой и языком. Культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает. Язык же есть то, к а к думают. Трудно усмотреть, какие особые причинные зависимости можно ожидать между

³ См. в этой связи слова Р. Холла относительно того, что влияние Сепира на американских лингвистов было слабее влияния Блумфилда (R. A. Hall, *La linguistica americana dal 1925 al 1950*, «Ricerche linguistiche», Roma, 1950, fasc. 2, стр. 277—278).

отобранным инвентарем опыта (культура, как делаемый обществом ценностный отбор) и тем особым приемом, при помощи которого общество выражает всяческий свой опыт»⁴, т. е. языком.

Как видно из этого отрывка, Сепир под культурой понимает всю совокупность общественной жизни данного коллектива, то, что можно было бы назвать производством материальных благ и духовных ценностей, все формы общественной жизни человека — от базиса до надстройки; при этом делается указание, что отсутствует причинная зависимость между всей этой совокупностью общественной жизни и языком. Это положение Сепира ничем не отличается не только от рассуждений Ф. де Соссюра, но и от основ «механицизма» Блумфида или от положения структуральной лингвистики. Оно весьма популярно в идеалистической лингвистике, не способной понять социальной природы языка вследствие ложных, антинаучных взглядов на общество и законы его развития, отрицающей поэтому связь истории языка и истории народа.

«Движение культуры, иначе говоря, история, — утверждает Сепир, — есть сложный ряд изменений в инвентаре отобранного обществом опыта...», тогда как движение языка якобы «... вовсе не связано с изменениями содержания, а только с изменениями формального выражения»⁵. Сепир полагает, что можно мысленно изменить каждый звук, каждое слово, ни в малейшей степени не затрагивая внутренней сущности данного языка, его структурной модели. Язык полностью отрывается при этом от истории народа — творца и носителя этого языка и превращается в произвольную систему произвольных символов.

Отрыв языка от истории народа, создавшего этот язык в процессе длительного постепенного развития, пренебрежение к конкретной материальной оболочке данного языка, в свою очередь исторически обусловленной, а не произвольной, рассмотрение языка лишь как системы дематериализованных отношений — вот что лежит в основе этой идеалистической концепции. Именно такое понимание специфики языка привело Сепира к его «теории моделей», рассматриваемых как некие дематериализованные неизменные сущности, выражающие «дух языка» (см. ниже).

Известный интерес представляет критический анализ тех аргументов, которые Сепир выдвигает в качестве доказательства полной автономности языка, необходимости его имманентного изучения. Сепир, как и Блумфид, практически исключает изучение словарного состава из анализа языка. Развитие лексики, утверждает Сепир, не должно интересоваться лингвиста, если оно «... не бросает света на формальные тенденции языка»⁶. Тем самым фактически исследование развития словарного состава, которое, по словам того же Сепира, в известной степени не может не быть связано с историей культуры, исключается из поля зрения языковеда, если оно не связано с изменениями в формообразовании. Именно так и поступает в своей работе «Язык» Сепир, лингвистическая система которого содержит лишь описание и исследование определенного разряда языковых категорий, обуславливающих прежде всего фонетический и грамматический тип языковых структур.

Осуществление указания Сепира, что языковая форма должна изучаться со стороны типов моделирования, независимо от ассоциируемых с ними функций, находило свое выражение в структурном анализе, при котором меньше всего уделялось внимания системе значений, составляющих содержание грамматики того или иного языка. Тем самым грамма-

⁴ Э. Сепир, указ. соч., стр. 171.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 172.

тика, которая, как учит И. В. Сталин, «есть результат длительной, абстрагирующей работы человеческого мышления, показатель громадных успехов мышления»⁷, превращалась в инвентарь чисто технических приемов. А так как только на материале грамматики невозможно, не впадая в упрощенчество и наивную прямолинейность, раскрыть непосредственную связь истории языка с историей народа, то Сепир и приходит к выводу о полной автономности языка.

Фактически свои доказательства имманентности языковых процессов Сепир ведет на основе анализа формальных типологий, которые, конечно, не обнаруживают связи с определенной ступенью развития культуры. Только в вульгарно-материалистических стадийных схемах Н. Я. Марра делались попытки связать морфологическую классификацию языков с развитием общества, с соответствующими общественными формациями и стадиями мышления. Сепир правильно отказался от отождествления морфологического типа языка и выражаемого этим языком идейного содержания. Но это правильное наблюдение получило в лингвистической системе Сепира совершенно неправильное истолкование и было использовано как основной аргумент в пользу автономности языковых процессов.

Сепир не мог понять двух сторон в языковых процессах, в их действенном взаимопроникновении. Тот факт, что языку свойственны внутренние законы его развития, отнюдь не противоречит необходимости изучения истории языка в неразрывной связи с историей народа. Сложность понимания закономерностей языковых процессов заключается, в частности, в том, что различные стороны языка, различные его аспекты, не одинаково реагируют на изменения, происходящие в обществе.

Словарный состав языка находится почти в непрерывном изменении. Рост промышленности и сельского хозяйства, торговли и транспорта, техники и науки требует от языка пополнения его новыми словами и выражениями. Таким образом, в лексике прежде всего осуществляется связь истории языка с историей народа. Однако не следует забывать, что это обогащение словарного состава, связанное с развитием всей общественной жизни народа, совершается в каждом языке по внутренним законам его развития. Сопоставляя, например, неологизмы в языке демократической Германии с такими же образованиями в русском языке, часто служащими к тому же образцами для немецких неологизмов, мы видим, что в немецком языке создаются сложные слова там, где в русском имеются словосочетания. Ср., например, *стахановское движение* в русском языке и *Stachanowbewegung* в немецком; *лауреат Сталинской премии* и *Stalinpreisträger* и т. д. Сама потребность в создании этих слов в немецком языке определяется современной нам историей немецкого народа, но пути образования этих новых слов обусловлены внутренними закономерностями словообразовательной системы этого языка.

Невозможно отрицать также влияние на развитие любого языка таких исторических фактов, как создание письменности, развитие науки и т. д. Значительные изменения в синтаксических нормах немецкого языка XV, XVI вв. не могут быть поняты без учета, например, расширения сфер применения немецкого языка в связи с борьбой против господства латыни в деловой переписке, в школе, в науке и т. д. Переход на немецкий язык в деловой переписке, проникновение немецкого языка в школу и науку, естественно, должны были привести к выработке ряда синтаксических особенностей, связанных со спецификой письменного языка. Одним из таких примеров является, в частности, развитие системы языковых средств, выражающих подчинительные связи. Однако и здесь все эти процес-

⁷ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 24.

сы осуществляются на основе внутренних законов развития каждого конкретного языка. Так, в том же немецком языке оформление синтаксической нормы письменного языка неразрывно связано с закреплением так называемой рамочной конструкции, определяющей своеобразное членение немецкого предложения и характерный для немецкого языка порядок слов. Тенденции к «рамке» были довольно интенсивны в немецком языке еще в VIII—IX вв., но эта тенденция оформляется как определенная норма именно в период развития и нормализации письменного немецкого языка, в период становления немецкого национального языка на народной основе.

Развитие человеческого мышления, все более глубокое проникновение в объективные связи и отношения реальной действительности не может не найти отражения в грамматическом строе языка, который улучшается и совершенствуется по внутренним законам своего развития. Только подлинно диалектическое понимание двух сторон языковых процессов может дать правильное осмысление языковых закономерностей. «Материалистическая диалектика считает, — пишет Мао Цзэ-дун, — что внешние причины являются условием изменений, а внутренние причины — основой изменений, причем внешние причины действуют через внутренние»⁸.

Подобно тому, как пренебрежение к внутренним законам развития языка приводит к упрощенчеству и вульгаризации марксизма, характерным для Н. Я. Марра и его последователей, так и, наоборот, голый имманентизм, типичный для современного зарубежного языкознания, является ярким выражением идеализма в языкознании. На позициях этого имманентизма и стоял Сепир в своей работе, отражающей систему его взглядов первого периода.

*

Для дальнейшей эволюции взглядов Сепира особенно существенным было то обстоятельство, что непонимание общественной природы языка, непонимание сложного характера связи языка с историей народа — творца и носителя этого языка — создавали благоприятную почву для порочного истолкования тех процессов и закономерностей, которые отличают отдельные языки и определяют их конкретное своеобразие. Специфика отдельных языков, связанная с историческими судьбами народов, говорящих на этих языках, закономерности развития и обогащения этих языков рассматривались Сепиром уже в его книге «Язык» с позиций пресловутой «теории моделей». Искаженному пониманию закономерностей языковых процессов, ложному объяснению своеобразия отдельных языков в немалой степени способствовало и неверное решение другого основного вопроса общего языкознания — вопроса о соотношении языка и мышления.

Высказывания Сепира относительно связи языка и мышления уже в работе 1921 г. неясны и двусмысленны, поскольку они не дают подлинного анализа сложности взаимосвязей между разнообразием языковой структуры различных языков и возможностью выразить в этих различных формальных структурах одно и то же содержание. «Язык и шаблоны наших мыслей неразрывно между собой переплетены...»⁹, — пишет Сепир в этой работе, не раскрывая при этом содержания понятия «шаблоны мыслей». Но если полагать, что этими шаблонами мысли являются какие-либо концептуальные единицы или формы суждения, то естественно создается впечатление о п р я м о й з а в и с и м о с т и наших понятий и пред-

⁸ Мао Цзэ-дун, Относительно противоречия, «Большевик», М., 1952, № 9, стр. 11.

⁹ Э. Сепир, указ. соч., стр. 171.

ставлений окружающей действительности от характера той или иной языковой формы, а следовательно, и о различии мышления у народов, говорящих на разных языках. Именно этот вывод сделал Сепир в своих более поздних работах, вывод, типичный для современного расизма, принятый тотчас же на вооружение идеологии империализма.

Несмотря на нечеткость формулировок и противоречия, имеющиеся уже в этой первой работе, здесь ясно видны порочные положения, которые в более поздних работах Сепира проявляются с гораздо большей определенностью. Наиболее интенсивно это раскрывается в «теории моделей» (pattern) языка, которые выступают у Сепира как своеобразные формирующие шаблоны, стоящие над живым языком, как концептуальные категории, подчиняющие себе эмпирические факты. «Суть» речи, по мнению Сепира, «...никогда в чистом виде не реализуется на практике...»¹⁰, она существует только в моделях языка. Эмпирически наблюдаемым фактам языка, в которых не находит своего полного выражения эта таинственная мистическая «суть» языка, противостоят «модели» языка, являющиеся результатом концептуального отбора и определяющие все изменения в языке.

У каждого языка, как полагает Сепир, есть своя модель, которой отвечает его внутренняя фонетическая система, и своя модель в области грамматического формообразования. За чисто объективной системой звуков, свойственной данному языку, существует более ограниченная «внутренняя», или «идеальная», система. Эта модель определяет лишь число, отношение и функционирование фонетических элементов, но не их материальную природу. Модель выступает как определенная функциональная система отношений, полностью оторванная от материальности звука. «Может случиться, — продолжает Сепир, — что у двух исторически родственных языков или диалектов нет ни единого общего звука, а модели их идеальных звуковых систем могут оказаться тождественными»¹¹. Если поэтому, например, в каком-либо языке *p* сменяется своим звонким соответствием *b*, то ранее существовавший ряд *p, t, k* выступает уже в несимметрическом виде — *b, t, k*. Общая фонетическая модель оказывается нарушенной. Но если далее и остальные глухие *t, k* сменяются соответствующими звонкими, то прежний ряд оказывается возродленным. Модель как таковая сохранена.

С этой точки зрения так называемое первое передвижение согласных в германских языках, характеризующее специфические особенности консонантизма этой группы языков, превращается в иллюзию, поскольку «модель» трех рядов *bh, dh, gh; b, d, g; p, t, k*, характеризующая фонетическую систему древних индоевропейских языков, полностью сохраняется в трех рядах германского консонантизма: *b, d, g; p, t, k; f, þ, h*. Совершенно очевидно, что подобная трактовка специфики системы германского консонантизма полностью искажала бы характер его материального состава.

Как «идеальное», направляющее начало выступает «модель» и в грамматическом формообразовании, заранее определяя пути изменений грамматического строя. Определяя фонетический и морфологический тип языка, «модели» образуют «закон его жизни», содержание его развития; они предопределяют направление развития языка и составляют тем самым нечто постоянное и неизменяющее исторических изменений, что находит свое выражение во всем разнообразии эмпирических фактов данного языка и

¹⁰ Там же, стр. 37.

¹¹ Там же, стр. 44.

отличает «структурный гений» одного языка от «структурного гения» другого языка.

Таким образом, сепировские «модели» оказываются по отношению к реальному языку в положении неких «платоновских идей», «реализующихся» в живой ткани языка. Однако при ближайшем рассмотрении обнаруживается и другая порочная сторона этого построения. «Модели» того или иного языка, являясь в представлении Сепира чем-то постоянным и неизменным, находятся фактически вне развития и исторического изменения. Эти метафизические сущности определяют «структурный гений» языка раз и навсегда. Следовательно, практически языки не развиваются, не совершенствуются. Изменяются только эмпирические факты. Отсюда — один шаг до утверждения неравноценности различных языков. Не случайно перенесенные в область этнографии «модели» стали опорным пунктом расистских концепций о различных типах культуры, различных типах мышления, а в работах представителей этнолингвистики они оказались основой расистской концепции языка. Уже в этой ранней работе имеются, следовательно, предпосылки будущих взглядов Сепира.

Со всей определенностью эти порочные идеи были высказаны Сепиром позже, в статье «Положение лингвистики как науки», напечатанной в 1929 г.¹²; в работе «Язык» они еще неясны и расплывчаты. Но уже здесь «теория моделей» выступала как ядро того лингвистического концептуализма, который был характерен для позднейшей системы взглядов Сепира и его учеников.

*

В ближайшие годы после выхода в свет работы «Язык» Сепир опубликовал ряд статей, где «теория моделей» была перенесена из области языка в сферу «неязыкового поведения человека». Вместе с тем и общелингвистические взгляды Сепира претерпевают к концу 20-х годов сильные изменения. Так, например, в упомянутой выше небольшой работе «Положение лингвистики как науки» прозвучали уже совершенно новые для Сепира нотки. Не случайно Сепир упоминает здесь о трудах некоторых логиков (не называя их имен)¹³, которые стремились «освободить язык» от присущих ему недостатков. Также не случайно он призывает лингвистов учесть эту «критику языка» в своих научных исследованиях. На самого Сепира эта «критика языка», представленная в то время работами Виттгенштейна, Рассела и других, оказала несомненное влияние. В результате этого идеализм Сепира получает новую окраску. Все явственное намечается сближение его взглядов с реакционной философией языка Огдена и Ричардса. Вместе с тем в работах Сепира все определеннее выступают те расистские положения, которые в полной мере зазвучали у его учеников и последователей. Не прошла бесследно и совместная работа Сепира с Блумфилдом: бихевиоризм, принимающий нередко форму неприкрытого биологизма, сквозит не только в этой статье, но и в ряде других работ Сепира.

В статье «Положение лингвистики как науки» языковые факты рассматриваются как особые формы знакового (символического) поведения; проводится полная аналогия между стуком в дверь, который является «знаком», что кто-то должен прийти и открыть дверь, и языковыми

¹² E. Sapir, The status of linguistics as a science, «Language», Baltimore, 1929, № 4.

¹³ Сепир имел в виду труды представителей математической логики Виттгенштейна и Рассела; реакционная сущность этих трудов была разоблачена М. Корифортом и его работами.

символами. Поэтому понимать язык в психологическом аспекте — это значит рассматривать его как наиболее сложный ряд символов, которые создало общество. Иными словами, устанавливается полное равенство языка и любых сигналов, столь типичное для всех идеалистических лингвистических направлений. Искажая сущность языка, его специфику, подобные «рассуждения», столь охотно подхватываемые реакционерами всевозможных мастей и оттенков, служат в конце концов основой для всех тех космополитических проектов искусственных языков, которые отражают антинародную, шовинистическую политику лженауки современного империализма.

Одной из основных проблем, освещаемых в данной статье Сепира, является вопрос об отношении лингвистики к другим социальным наукам, а следовательно, и языка к другим общественным явлениям. «Язык, — пишет он, — становится все более ценным при научном исследовании любой культуры в том смысле, что сеть (network) культурных моделей любой цивилизации заиндексирована (indexed) в языке, который выражает эту цивилизацию»¹⁴. «Языковый символизм» делает эти модели понятными и доступными. Язык, следовательно, по мнению Сепира, в приемах своего символизма выявляет «культурные модели», которые в противном случае, как предполагает Сепир, могли остаться необнаруженными, непонятыми исследователям. Однако неверно было бы думать, что Сепир тем самым устанавливает известную зависимость, например, языковых моделей от так называемых «поведенческих моделей». Напротив, и здесь Сепир всячески подчеркивает максимальную автономность, независимость языка. «Моделирование языка (the patterning), — пишет он, — в значительной степени самостоятельно, а не зависит от перекрещивающихся моделей нелингвистического типа»¹⁵. Именно эта «чистота и прозрачность» языковых моделей «помогает им служить ключом к пониманию неязыковых моделей человеческого поведения». Каким образом при автономности языковых моделей они в то же время служат ключом к пониманию других типов человеческого поведения, остается совершенно неясно. Характерно, что не ясен этот вопрос и в изложении одного из последователей Сепира — М. Эмено¹⁶. Однако у Сепира весь ход мыслей таков, что скорее можно предположить для него более вероятным влияние языковых моделей на культуру данного общества, чем, наоборот, зависимость моделей языка от истории того или иного народа.

Так, в той же статье Сепир прямо указывает, что «язык весьма сильно обуславливает все наши размышления о социальных проблемах»¹⁷. По мнению Сепира, жизнь моделей в том или ином обществе весьма сильно зависит от того конкретного языка, который стал средством выражения данного общества¹⁸. Более того, тот «реальный мир», о котором говорят люди и который включает все стороны общественного бытия человека, всю окружающую его действительность, в значительной степени, по мнению Сепира, построен на основе лингвистических навыков данной социальной группы¹⁹.

Что обозначает это утверждение? Прежде всего, очевидно, отрицание объективной реальности познаваемого нами мира; не случайно выражение «реальный мир» (real world)

¹⁴ E. Sapir, The status of linguistics as a science, стр. 209.

¹⁵ Там же, стр. 212.

¹⁶ См. М. В. Эменоу, Language and non-linguistic patterns, «Language», Baltimore, 1950, № 2, стр. 199—209.

¹⁷ E. Sapir, The status of linguistics as a science, стр. 209.

¹⁸ См. там же.

¹⁹ См. там же.

поставлено Сепиром в кавычки. Для Сепира эта реальность лишь проекция наших языковых навыков. «Мы видим и слышим или же экспериментируем так, как мы это делаем, потому что языковые навыки нашего общества predispose к определенному выбору интерпретации»²⁰, — заявляет Сепир. В этих утверждениях Сепир со всей очевидностью «развивает» реакционные идеи, весьма близкие к субъективному идеализму современной англо-американской философии в лице Рассела, Карнапа и других. Поэтому не вызывает удивления его дальнейшее указание, что «даже простейшие наши представления находятся в зависимости от социальных моделей, называемых словами»²¹.

Идеализм любого толка ведет к отрицанию объективной реальности, существующей независимо от наших восприятий. Он ведет к утверждению непознаваемости этой объективной реальности, к признанию субъективности всякого познания и в конечном счете к агностицизму, который и лежит в основе не только «механицизма» Блумфилда, но и сепировского «ментализма».

Сепир доходит до утверждения, что социальная реальность обществ, говорящих на разных языках, всегда различна; между данным языком и данной социальной реальностью не произвольная, а необходимая связь. Отсюда недалеко до вывода, что различные языки строят различные «реальные миры», — вывод, который со всеми «уточнениями» сделают, с одной стороны, такие ученики Сепира, как Б. Уорф, с другой — представители пресловутой «общей семантики» типа расиста Ф. Хайакава.

Так концептуализм неокантианского толка и «теория моделей», перенесенные на почву этнографии, подвели Сепира к утверждениям, представляющим благодарную почву для расизма. Вместе с тем здесь оказались до известной степени воскрешенными в новой форме реакционные идеи Гумбольдта о различии мышления у разных народов, говорящих на разных по своей структуре языках. Для гумбольдтианства типичным является непонимание сложного характера единства языка и мышления. Это единство подменяется их отождествлением, в результате которого за различием у разных народов языковой структуры ошибочно ищут и различие мышления. Реакционную сущность и абсурдность этих идей разоблачал еще в XIX в. великий русский ученый и революционер Н. Г. Чернышевский.

Так как, согласно взглядам Сепира, каждый язык обладает своей системой моделирования, своими структурными моделями, то, следовательно, по его мнению, не только мышление разных народов различно, но и сами «социальные миры» зависят от языка. Что касается моделей языка, то они также, как и культурные модели, порождены в конечном итоге «био-психологическими» (?) особенностями поведения индивидов, образующих то или иное общество, тот или иной народ. Неприкрытый биологизм выступает в этих рассуждениях Сепира. «Теория моделей» получает тем самым откровенно расистское использование уже в работах самого Сепира. Постановка вопросов языкознания здесь тесно переплетается с проблемами этнографии, определяя реакционную сущность и специфику этнолингвистики — подлинного детища англо-американского империализма с характерной для него политикой расовой дискриминации²².

²⁰ E. Sapir, The status of linguistics as a science, стр. 210.

²¹ Там же, стр. 212.

²² Весьма показателен в этом отношении сборник, посвященный памяти Э. Сепира (Language, culture and personality. Essays in Memory of Edward Sapir, Sapir memorial publication fund Menasha, Wisconsin, 1941), где наряду со статьями Уорфа (см. ниже) был напечатан ряд этнографических работ учеников Сепира.

«Развиваемая» далее в работах этнографов-расистов Р. Бенедикт²³, К. Клухона²⁴ и других, эта «теория» явилась одной из основ психолого-расистской школы американской этнографии. В этой области «теория моделей» служила орудием антиисторического подхода к изучению закономерностей общественных процессов, поскольку каждая «культура» или общество рассматривались лишь как выявление неких структурных моделей, якобы типичных для данного племени или народа и потому не подлежащих никакому изменению. Так, согласно «теории» типов культур Р. Бенедикт, те или иные черты общественного уклада индейцев пуэбл, квакиутл и пауасов острова Добу — не результат конкретных исторических условий, а проявление «культурно-поведенческих моделей». Эта «теория» недвусмысленно преследовала две практические цели: 1) доказать неизменность психических, расовых отличий тех или иных ступеней общественно-политических и культурного развития так называемых «отсталых» племен и народов, задыхающихся и гибнущих под гнетом англо-американского империализма; 2) доказать «целостность культуры» капиталистического общества, отсутствие каких бы то ни было классовых противоречий, которые сводятся автором к розни несходных культур. Р. Бенедикт на основе все тех же «моделей» стремилась доказать необходимость расовой дискриминации, поскольку, по ее мнению, расы и их культуры неравноценны, и дошла в своих писаниях до утверждений, что расовое поражение — необходимое условие культурного и биологического единства.

Именно с построениями такого типа сближается лингвистическая концепция Сепира конца 20-х, начала 30-х годов. Нам это «развитие» взглядов Сепира представляется весьма характерным для того пути, который проделала за эти годы официальная американская лингвистика, все определеннее становящаяся на путь служения империализму. При этом показательно, что реакционная идеология наложила свой отпечаток даже на работы таких специалистов, которые в прошлом сделали не мало в деле изучения конкретного лингвистического материала. К ним относится и Сепир.

2

Выше указывалось, что некоторые положения Сепира, относящиеся ко второму периоду его деятельности, смыкались с реакционными идеями философии языка Огдена и Ричардса. Эти идеи изложены в их популярной книге «Значение значений»²⁵. Книге этой суждено было сыг-

См. разоблачение расистских основ господствующих направлений современной американской этнографии в статьях: И. И. Потехин, Функциональная школа этнографии на службе британского империализма («Советская этнография», М.—Л., 1948, № 3); М. Левин, Я. Рогинский, Н. Чебоксаров, Англо-американский расизм («Советская этнография», М.—Л., 1949, № 1) Особенно же см. статьи: Д. А. Ольдерогге и И. И. Потехин, Функциональная школа в этнографии на службе британского империализма; М. Г. Левин, Я. Я. Рогинский и Н. Н. Чебоксаров, Англо-американский расизм; Н. А. Бутин, Психорасизм в американской этнографии — [сб. «Англо-американская этнография на службе империализма» («Труды Ил-та этнографии им. Н. П. Миклухо-Маклая АН СССР», Новая серия, т. XII), М., Изд-во АН СССР, 1951]. К сожалению, ни в одной из этих статей авторы не касаются связей взглядов таких этнографов, как Р. Бенедикт, с языковедческой концепцией Сепира.

²³ R. Benedict, *Patterns of culture*, New York, 1934.

²⁴ C. Kluckhohn, *Patterning as exemplified in Navaho culture*, сб. «Language, culture and personality...», стр. 109—130.

²⁵ C. K. Ogden and I. A. Richards, *The meaning of meaning*, 4-th ed., London, Paul, Trench, Trubner; New York, Harcourt. Brace, 1936.

рать немалую роль в оформлении реакционных тенденций американского языкознания. Она явилась не только одним из источников бульварной макулатуры «творений» Ли, Хайакава, Чейза и других, но и работорговлей, оказавшей несомненное влияние на таких лингвистов, как Сепир. Весьма симптоматичным был тот факт, что в качестве приложения в книге Огдена и Ричардса была помещена статья этнографа Б. Малиновского, все эти годы выступавшего в качестве откровенного апологета английской колониальной политики и одного из активнейших и верноподданнейших слуг колониальной администрации²⁶. Эта статья Б. Малиновского «Проблема значений в примитивных языках» явилась «образом» работ последователей Э. Сепира. Таким образом, появившиеся впервые еще в 1923 г. «компендиум» Огдена, Ричардса и Малиновского как бы определил путь этнолингвистики.

Работа Огдена и Ричардса имела весьма характерный подзаголовок: «Исследование о влиянии языка на мысль и о науке символизма». Не имея возможности подробно остановиться на анализе этого «теоретического труда» творцов космополитического гомункулуса — бейсик-инглиш, укажем лишь на те моменты, которые особенно тесно связаны с содержанием работ Сепира и его последователей. Рассматривая язык как одну из форм «знакового поведения», к каковым авторы относят искусство, философию, логику и т. п., Огден и Ричардс недвусмысленно опираются на «откровения» математической логики, в первую очередь на работы агностика Рассела, а также Л. Витгенштейна.

В обычной форме предстает перед нами в книге Огдена и Ричардса тот разрыв языка и мышления, который характеризует различные идеалистические направления зарубежного языкознания. Красной нитью через всю книгу проходит абсолютно порочная идея, что язык древнее мышления и лишь на определенных ступенях своего развития вступает с мышлением в связь, и более того, — что язык создал мышление. Книга посвящена «раскрытию» (?) «вредного» влияния языка на мысль. В качестве эпиграфа ко всей книге можно было бы поставить известную цитату из работы немецкого философа-лингвиста, неокантианца Ф. Маутнера «Критика языка» (1913), которая приводится Огденом и Ричардсом, а затем, с их легкой руки, так охотно используется в писаниях современных англо-американских «семантиков», часто без ссылок на первоисточник. «Если бы, — писал Маутнер, — Аристотель говорил по-иной или на языке Дакота, он создал бы совершенно иную логику, или во всяком случае совершенно иное учение о категориях»²⁷. Таким образом, по Маутнеру, категории языка определяют систему логики, язык определяет сознание, наш способ познания мира и т. д. Мы познаем не объективный мир, а лишь языковые факты. Маутнер в этом отношении является «предтечей» не только Огдена, Ричардса, Малиновского, Сепира, но и Рассела, Айэра и т. п.

Не трудно понять, почему идеи неокантианца Маутнера стали так популярны в англо-американской философии и лингвистике последних десятилетий и оказались одной из обветшалых концепций, принятых на вооружение американским империализмом. Во-первых, маутнеровская «критика языка», его отрицание объективности и достоверности наших знаний поразительно совпадали с агностицизмом современного идеализма. Во-вторых, положения, подобные только что приведенному, создавали

²⁶ Критика взглядов Б. Малиновского как этнографа была подробно изложена в статье Д. А. Ольдерогге и И. И. Потехина «Функциональная школа в этнографии на службе британского империализма».

²⁷ F. M a u t h n e r, Zur Grammatik und Logik (Beiträge zu einer Kritik der Sprache, B. III), 2-e Aufl., Stuttgart — Berlin, 1913, стр. 4.

благоприятную почву для расистской пропаганды различных «типов мышления», различных «реальных миров» у народов, говорящих на разных языках. В-третьих, они дали тот прообраз «критики языка», который определял форму космополитической пропаганды бейсик-инглиш Огдена и Ричардса, а главным образом — содержание порочной «общей семантики» Коржибского, Ли, Чейза и других.

Вышеуказанная статья Б. Малиновского «Проблема значений в примитивных языках» должна была служить «лингвистическим доказательством» теоретических рассуждений Огдена и Ричардса. В ней Малиновский стремился показать на материале одного из языков Новой Гвинеи, что вся речевая практика, весь характер языка здесь совершенно иной, чем у цивилизованных народов. Наличие иного объема значения слова, других глагольных категорий, чем в современном английском языке, используется автором для «доказательства» иной природы языка, иных форм мышления. Так, например, тот факт, что различные грамматические формы английского глагола *to come* (*he comes, he came, he has come* и др.) не могут быть переведены формами одного и того же глагола *та* этого языка Новой Гвинеи (факт расхождения объема значений в различных языках, имеющий бесчисленные параллели при сопоставлении лексических единиц любых языков)²⁸, Малиновский пытается использовать для доказательства особого «ситуационного» характера языка туземцев, делая затем выводы чисто расистского порядка.

Для Малиновского язык по своей основной функции лишь один из видов реакции на окружающий мир. Язык по своему происхождению возводится к звуковым реакциям, связанным с ощущением боли, радости, злости и т. д.²⁹ Поэтому основную функцию языка — служить средством общения между людьми, средством обмена мыслями — Малиновский считает более поздней, возникающей лишь на особо высокой ступени цивилизации³⁰. Отсюда — совершенно типичный для расиста вывод: язык «дикарей» ситуационно связан и отнюдь не является средством выражения мыслей. Повидимому, Малиновский вообще сомневается, есть ли мышление у «туземцев».

Еще в XIX в. великие мыслители Маркс и Энгельс доказали, что язык и мышление неразрывно связаны, что они образуют единство: «Язык так же древен, как сознание...»³¹. Именно поэтому ни язык не может существовать до человеческого мышления, ни человеческое мышление — до языка. В работах И. В. Сталина по языкознанию это положение получило свое дальнейшее развитие. Сама специфика человеческого языка, его сущность, его природа говорят о неразрывном единстве языка и мышления. Физиологическое обоснование этого единства дало учение И. П. Павлова о второй сигнальной системе.

Но все достижения научной мысли игнорируются «учеными» типа Малиновского. Малиновский неоднократно возвращается к утверждению о том, что язык определяет мысль, грамматический строй определяет содержание философских систем и т. д.; эти положения совпадают

²⁸ Ср., например, соотношение немецкого глагола *fahren* «ехать, ездить, везти» и русского глагола *ехать*, где объем значения немецкого глагола на много шире объема значения приведенного русского глагола; с другой стороны, ср. русск. *стена*, которому в немецком соответствуют два слова *Mauer* и *Wand*. Ср. в связи с этим интересный материал, приводимый акад. Л. В. Щербой, о соотношении объема значений русских *твердый, жесткий, жестокий, свирепый*, французских *dur, cruel, féroce*, немецких *hart, grausam, wütend* (Л. В. Щерба, Преподавание иностранных языков в средней школе, М.—Л., Изд-во АНН РСФСР, 1947, стр. 69).

²⁹ См. С. К. O g d e n and I. A. R i c h a r d s, указ. соч., стр. 318—319.

³⁰ См. там же, стр. 316.

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 20.

с «идеями» Огдена и Ричардса и продолжают практически линию Маутнера, как это и отмечалось выше.

Утверждения этого толка совершенно искажают характер связи языка и мышления, а также языка и различных форм идеологии, поскольку они основываются на чисто идеалистических построениях о соотношении языка, мышления и общества. С одной стороны, утверждается, что язык существует до мышления и вне мышления. Тем самым разрывается неизменная связь языка и мышления — связь, являющаяся одной из важнейших сторон сущности языка как средства общения. Практически это ведет к тому, что язык возводится к аффективным крикам, к безусловным рефлексам, к формам приспособления к окружающей действительности и тем самым полностью биологизируется. С другой стороны, язык рассматривается как создатель мышления, философии, науки и т. д. Познание наше, являющееся познанием объективной действительности, ее закономерностей, превращается в этих «теориях» в производное от языка, в первую очередь — от грамматических форм.

Статья Б. Малиновского, являвшаяся образцом расистской концепции языка, не только смыкалась с привычным в империалистической Америке комплексом идей «философии языка» современного субъективного идеализма, но и получила дальнейшее «развитие» в работах последователей Сепира; «наследство» Сепира и расистские традиции Малиновского сливаются в русле этнолингвистики. Особенно сильно все эти порочные идеи сказались в работах такого представителя этнолингвистики, как Б. Уорф, которого американские языковеды считают самым блестящим учеником Сепира.

3

В течение ряда лет Б. Уорф занимался одним из языков американских индейцев — языком хопи. В различных периодических изданиях и журналах печатались его статьи, посвященные анализу грамматического строя и словарного состава этого языка³², а также некоторым общим вопросам языкознания (на материале того же языка хопи).

Для лингвистической деятельности Уорфа и для всего направления его работ весьма показательны следующие факты. Четыре его статьи, а именно: «Наука и языкознание», «Языкознание как точная наука», «Языкознание и логика» и «Отношение мысли и поведения к языку», опубликованные в 1940—1941 гг. (из них первые три в журнале «Technological Review», а последние в сборнике «Language, culture and personality», посвященном памяти Сепира), были в 1949 г. переизданы таким учреждением, как Foreign Service Institute при Государственном департаменте (Department of State) под общим названием «Четыре исследования по металингвистике». Наряду с этим статья Уорфа «Наука и языкознание» была в 1951 г. перепечатана с разрешения автора в небезызвестной книге «Язык в действии» пресловутого Хайакава, «соратника» Коржибского.

Что же сделало статьи Уорфа на материалах одного из языков американских индейцев столь «интересными», что их перепечатывают несколько лет спустя в специализированном издании? Какие идеи этих работ оказались в такой степени близкими уму и сердцу реакционнейшего аме-

³² См. B. L. Whorf. The punctual and segmentative aspects of verbs in hopi. «Language», Baltimore, 1936, № 2, стр. 127—131; егo же, Some verbal categories in hopi, «Language», 1938, № 4, стр. 273—286; егo же, An american indian model of the universe, «International Journal of American linguistics», Baltimore, 1950, № 2, стр. 67—72 (посмертная статья). См. также библиографию работ Б. Уорфа, помещенную в этой его статье (стр. 67).

риканского публициста Хайакава, что он счел необходимым включить одну из статей в свою книгу? Наиболее «благодарный» материал для ответа на эти вопросы дают статьи Уорфа «Отношение мысли и поведения к языку»³³ и уже упоминавшаяся (дважды перепечатанная) «Наука и языкознание».

Показательным для всех работ Уорфа является фактический отказ от имманентизма Сепира и стремление выявить связь языка и «культуры», языковых и «поведенческих» моделей. Понимание этой связи приобретает в работах Уорфа совершенно явный расистский характер.

Первая работа посвящена своеобразному сравнению строя европейских языков с языком хопи по линии определенной группы языковых моделей. Очень характерно, что рассматриваются категории, которые определяются как признаки некоего «европейского стандарта» (Standard average European), иными словами, не конкретные языковые факты как таковые, а именно «европейские модели», скрывающиеся за этими фактами. Само сравнение Уорф строит на анализе категорий множественности и числа, времени, субстанции и т. п., абстрагируемых в качестве неких контентуальных единств из языкового материала.

Так, например, он отмечает, что согласно «европейскому стандарту» множественность и число применяются двояким способом — к реальному pluralis и к воображаемому pluralis. Ср. *десять человек* и *десять дней*. Десять человек можно объективно наблюдать, они могут быть реально налицо, десять дней в опыте не могут быть даны, ибо существует лишь один день, этот день, и т. д. Десять дней — это воображаемая, мысленно конструируемая группа. Отсюда делается вывод, что европейские языки не делают различия между воображаемой и реальной множественностью. Иное дело в языке хопи, где множественность якобы всегда реальна. На языке хопи нельзя сказать *десять дней*, например: *Они оставались там десять дней*, а приходится говорить: *Они оставались до одиннадцатого дня*. С другой стороны, в «европейском стандарте» такие слова, как, например, *лето, осень, сентябрь, утро, вечер*, обозначающие определенные отрезки времени, мало отличаются грамматически от любого другого имени, обозначающего какой-либо предмет; они так же употребляются в предложении, так же образуют множественное число, как любое другое имя. Из этого Уорф делает вывод, что наши мысли об отношениях этих слов в «референтах» в языке получили «объективацию» вследствие чего-то, что «является простой циклической фазой» и приравнивается к «пространственным образованиям». Поэтому понятие времени создано, по мнению Уорфа, нашими языковыми моделями.

Иначе якобы обстоит дело в языке хопи. Там такие слова, как *лето, осень* и т. д., — наречия, поэтому нельзя сказать на языке хопи *Это лето жаркое* или *Лето было жаркое*. Отсюда вывод — в языке хопи отсутствует «объективация времени» (?), имеющаяся в европейских языках. С этим сопоставляется и тот факт, что в системе глагола языка хопи имеется иное распределение времени, чем в европейских языках.

Далее Уорф указывает, что в европейских языках существует два типа имен: индивидуальные имена — *дерево, человек* и названия массы — *сода, песок, пища, молоко*. Различие определяется, по мнению Уорфа, формальными языковыми средствами, например невозможностью образовать множественное число или употреблением партитивного артикля, как во французском языке *du, de la, des*. Для уточнения при именах

³³ В. Л. W h o r f, The relation of habitual thought and behavior to language, сб. «Language, culture and personality...», стр. 75 и сл.

существительных, обозначающих массу, возможно употребление тех или иных ограничителей, например *стакан есды*, *чашка кофе* и пр. В языке хопи якобы все имена индивидуальны. На основании этого утверждается затем, что «европейские языковые модели» противопоставляют «материю», «субстанцию» «форме», чего не знает будто бы язык хопи.

Прежде чем перейти к рассмотрению дальнейших рассуждений и выводов Уорфа, остановимся на самом характере его анализа. Уорф идет от частных единичных фактов не совпадений в сравниваемых языках к реконструкции «языковых моделей», которые практически осмысляются как категории «языкового мышления», а от них переходит к системе концептуальных категорий; предпосылка — полное отождествление языковых отношений и гносеологических категорий, с одной стороны, и, с другой, — сведение различных способов выражения познавательного содержания к различиям самого познавательного содержания.

Попытка показать связь типа «культуры» и языка ведет к отождествлению языковых моделей и того, что Уорф называет культурными нормами, хотя в первой работе он и указывает на наличие «соединения», а не «корреляции» между ними.

Вряд ли кто-нибудь станет отрицать, что у народов, стоящих на разных ступенях исторического развития, например, у австралийских племен и у французов XX в., представление об окружающей природе и ее законах различно. Развитие общества, обусловившее развитие науки, особенно естественных наук, в корне изменило наши знания об окружающей природе. Однако это отнюдь не прерогатива «европейского человека». С другой стороны, очевидно, что развитие общества, развитие науки влияют на язык, обогащают его словарный состав, совершенствуют его грамматический строй. Но только полное непонимание сложности взаимосвязей между языком и познавательным содержанием нашего мышления или нежелание понять эту сложность может вызвать к жизни рассуждения, подобные писаниям Уорфа. Ведь своеобразие каждого языка заключается не только в его звучании, но и во всей системе в целом, начиная от характера семантических систем и кончая техникой грамматического выражения. Так, в немецком языке имеется, как и в русском, деление имен существительных на три класса по грамматическому роду, во французском — на два, в английском — грамматический род отсутствует. Можно ли из этого делать вывод, что немцы и русские, с одной стороны, и французы, с другой — обладают разными типами мышления, познания окружающей действительности? И разве отсутствие дифференциации по роду в английском языке означает, что англичане не знают различий между *man* и *woman*? Думается, что подобное заключение, поскольку оно касается английского языка, вызвало бы возмущение у мистера Уорфа и его соратников. Или другой пример: как известно, система русского глагола отличается исключительным богатством видовых различий. Вся гамма этих видовых оттенков не может быть в немецком языке передана формообразованием глагола. Но было бы совершенным абсурдом утверждать, что немец не способен отличать те объективные процессы, которые в русском языке получили выражение в глагольном формообразовании, а в немецком не имеют специализированного выражения.

Сами «языковые модели» языка хопи и индоевропейских языков, по Уорфу, абсолютно неподвижны: они присущи данным языкам на протяжении всей истории. Хопи «обречены» на ту совокупность языковых моделей, о которых пишет Уорф. «Теория» языковых моделей Сепира нашла здесь последовательную реализацию, и тем самым во всей полноте раскрылась ее реакционная сущность. Вместе с тем этот «метод» рассуждений, полностью искажающий соотношение мышления и

языка, осуществляет максимальное насилие над живой тканью языка, поскольку реальные языковые факты изолируются от системы языка и втискиваются в абстрактные схемы схоластически конструируемых моделей. Фактически этот анализ даже нельзя назвать языковым, настолько он далек от реальных языковых фактов. Однако порочность построений Уорфа полностью раскрывается только при рассмотрении его дальнейших выводов и рассуждений.

Установив, что на языке хопи нельзя сказать *Они оставались там десять дней* и что система глагольных времен там иная, чем в «европейском стандарте», Уорф переходит к рассуждению о том, что этому языку вообще чужда категория объективного времени. В статье «Наука и лингвистика» он прямо заявляет, что это язык, не знающий категории времени. Подобные «выводы» отнюдь не имеют своей целью характеристику только структуры языка хопи. Автор ставит перед собой гораздо более «широкую» задачу.

Оказывается, что все поведение хопи, их обряды, их мировоззрение являются лишь отражением этого «лингвистического микрокосма». Их картина мира не знает якобы ни объективного времени, ни понятия пространства, субстанции и т. д. Именно это «доказывает» Уорф в своей статье «Модель мира американских индейцев». «Реальный мир» хопи оказывается здесь обусловленным их языковыми моделями и качественно иным, чем мир людей, говорящих на европейских языках. Сравнение различных языков — семитских, тибетского, китайского и других с английским должно, как утверждает Уорф в другой статье, показать относительность всякой концептуальной системы и ее зависимость от языка, ибо, по его словам, формулирование идей есть часть грамматики: мы рассекаем природу по линиям, проложенным нашим языком. Иными словами, по Уорфу, наши представления окружающей действительности, наше познание не являются отражением объективной реальности, они лишь произвольная картина, определяемая строем нашего языка. Язык формирует, организует материал опыта согласно своим языковым моделям.

Кантовские формы чистого разума оказались в этих лингвистических теориях замененными языковыми категориями типа сепиловских моделей. Однако, если Кант — философ XVIII в. — был убежден в общности законов познания для людей всех рас и народов, а следовательно, и в общности категорий чистого разума, то неокантианцы XX в. пытаются утверждать несходство основных познавательных закономерностей у различных народов, отличия мышления, а следовательно, и разные картины «реального мира», поскольку «мысли определяются лингвистически» и даже понятия материи, времени, пространства зависят от природы отдельных языков, при помощи которых и были выработаны эти понятия³⁴.

В полном соответствии с этим Уорф заявляет, что и поведение людей, говорящих на европейских языках, их мировоззрение, культура, наука, чуть ли не вся европейская цивилизация соотнесена с языковыми моделями (??). Утверждается, что с характерной якобы для европейских языков «объективирующей времени», о которой писалось выше, связано и развитие математики, и создание календаря, и развитие археологии, и такие литературные направления, как классицизм и романтизм, и т. д. и т. д. Ньютоновские понятия пространства, времени, материи оказываются тоже порожденными «культурой» и языком. Рассуждая о взаимодействии «культуры» и языка, Уорф, в конце концов, приходит к выводу, что

³⁴ В. Л. Ворф, *The relation of thought and behavior to language*, стр. 92 и сл.

язык является тем фактором, который сдерживает и направляет развитие; языковые модели влияют на «поведенческие» модели, на «типы культур»³⁵. Развитие физики и химии в последние десятилетия, в свою очередь, лишь производное (?) от лингвистических моделей европейских языков, ибо все эти науки созданы людьми, говорящими на европейских языках. «То, что современные турецкие или китайские ученые, — заявляет Уорф в другой статье, — описывают мир так же, как западные люди, значит лишь, что они восприняли целиком западный метод рационализации, а не то, что они выработали эту систему сами, благодаря свойственной им от рождения (природной) точке зрения».

Здесь полностью, в неприкрытой форме, выступают политические корни всех ухищрений Уорфа. Утверждения, подобные тому, что «грамматика сама является творцом идей», «программой и проводником индивидуальной умственной активности», оказались лишь орудием расовой пропаганды о преимуществах народов, говорящих на языках «европейского стандарта»; именно эти народы объявляются, вопреки всем фактам истории, единственными создателями современной культуры и науки, тогда как другие народы лишь пассивно усвоили эти достижения.

Так «ученый», «специалист по языкам американских индейцев», ученик и последователь Сепира Б. Уорф путем подтасовки языковых фактов, путем словесистических ухищрений с «языковыми моделями» ведет открытую расовую пропаганду. Поэтому-то столь охотно в империалистической Америке перепечатываются статьи Уорфа. Именно поэтому одну из его статей включил в свою книгу реакционный публицист Хайакава. В самом деле, утверждения Уорфа полностью совпадают с высказываниями этого представителя «общей семантики», утверждавшего, что люди, говорящие на языках иной структуры, чем английский, например на японском, китайском, турецком языках, не имеют тех же мыслей, что и говорящие по-английски. Разве не одинаково служат Уорф и Хайакава целям расовой дискриминации? Разве не одинаково стремятся они скрыть классовые противоречия империалистического общества в пределах одной нации, говорящей на одном общем языке, за мнимыми «непроходимыми противоположностями» между народами, говорящими на разных языках, но стремящимися в действительности к одной общей цели?

Нужны ли еще другие факты для разоблачения того пути, по которому идет так называемая «официальная наука» сегодняшней Америки? Ведь Уорф отнюдь не одинок. Он пользуется известностью, на него ссылаются, его приводят Блок и Трэджер в списке «необходимой литературы», его «учение» с энтузиазмом «развивает» П. Гэрвин. Но последний в своей статье³⁶ сравнивает «европейский языковой стандарт» уже не с языком американских индейцев, а со славянскими языками (!!!). И в новом специальном лингвистическом издании «*Studia linguistica*» печатается статья Гэрвина, тоже «ученого», «специалиста-языковеда», полная антиисторических нелепых измыслений — статья, где славянские языки, принадлежащие к той же семье языков, что и романские, и германские языки, не только изолируются от последних, противопоставляются «западно-европейскому стандарту», но и весьма недвусмысленно сближаются с языком американских индейцев, все тех же хопи. Очевидно, что нет никакой нужды доказывать абсурдность, антинаучность и антиисторичность подобных измышлений. И не странно ли, что серьезный

³⁵ B. L. Whorf, The relation of thought and behavior to language, стр. 88.

³⁶ См. P.-L. Garvin, Standard average European and Czech, «*Studia linguistica*», Lund, Gleerup; Copenhagen, Munksgaard, 1949, № 2, стр. 65—85; характерно, что, как указывает автор, эта статья была подготовлена под руководством Р. Бенедикт.

лингвистический журнал, каковым, повидимому, предполагает быть «*Studia linguistica*», печатает подобные статьи?

В этой связи можно с большим удовлетворением сослаться на резкую критику указанной работы П. Гэрвина, содержащуюся в рецензии прогрессивного французского ученого А. Соважо³⁷. Разоблачая невежество всех рассуждений Гэрвина, Соважо дает и политическую оценку подобным антинаучным измышлениям.

*

Так одно из направлений современного американского языкознания, представители которого рассматривают язык в «комплексе культуры», а «языковые модели» — в непосредственной связи с «моделями поведения» и «культурными моделями», — направление, названное нами «этнографической лингвистикой», более явно и откровенно, чем любое другое направление в американской лингвистике, выступает с пропагандой реакционных концепций современного империализма. Идеи расистской этнопсихологии сочетаются здесь с философией языка современного идеализма. Характерно, что именно по этой линии намечается и тесное единство реакционной лингвистики с той «общей семантикой», которая является типичным продуктом лженауки современного буржуазного мира.

³⁷ А. Sauvageot, [рец. на кн.] P.-L. Garvin «Standard average European and Czech» — «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», Paris, 1950, fasc. 2. стр. 16—20.